

В 1980 году Олег Дмитриев написал стихотворение «Дом у бульвара». Это дом у Никитских ворот, где жила первая любовь поэта. Он хотел жить долго, храня в душе дорогое воспоминание, чтобы став «стариком», пройти возле этого дома. Судьба распорядилась иначе, поэт ушел от нас, не дожив до старости. Но будучи человеком щедрой души, и, может быть, предвидя свой уход, завещал дому у бульвара: «Ну, а коль не судьба, оставайся стоять — был бы жив ты, была бы планета жива!». Встреча с домом первой любви и воспоминание о ней перетекают в мысль о судьбе планеты и, значит, человечества.

Окольцованный Москвой

К 60-летию со дня рождения Олега Дмитриева

Начав как поэт с романтических порывов, внешней героизации и суперменства «арбатских сибиряков», Олег Дмитриев пришел к тихой, раздумчивой манере письма («Я полюбил спокойную манеру раздумывать, ходить и говорить»). Пожалуй, это имело полемический подтекст к шумному и порою безоглядному вторжению «шестидесятников» на эстраду.

Но в этот год, совпавший с его юбилеем, год 850-летия нашей столицы, хочется особо сказать о московской приязанности Олега Дмитриева. В его поколении нет другого поэта, который бы с такой любовью, с таким проникновением, с таким знанием скрытых от простого взгляда красот Москвы и радостей московской жизни писал о них. Он влюблен в этот город, в этот гигантский мегаполис. Если хотите, это его «малая родина». Ведь в Москве есть двор, а «Двор равен миру!», но такому миру, «где все знакомы, где знали всех по именам». Есть любимые старинные улочки, переулки, мосты, по которым он любил бродить в одиночестве, предаваясь воспоминаниям и размышлениям. Он знал о том, что и воловер в Москве имеет свою «прописку» — в Среднеисловском переулке — на «асфальтовой свищет эстраде...». Наконец: «Москва, я жизнь с тобою прожил...». Этого довольно, чтобы сказать: «И мне ль не пещься о твоей судьбе, Москва, в преданьях времени безбрежных, несущему так много жизней прежних и столько жизней будущих в себе!».

В пределах статьи невозможно перечислить те московские улицы и переулки, проспекты и бульвары, речки и мосты, набережные и площади, которые упоминаются в стихах Дмитриева. В их названиях слышится музыка старинной русской (московской!) речи, дыхание истории великого города. Здесь поэт отдыхает душой: «Мое отдохновение — Москва: Заязье, Арбат, Замоскворечье...». Образ бесконечно обожаемой поэтом старой Москвы с тесными «полевскими» дворами, ампириными особнячками, звонками трамвая возникает в его стихах не как антипод Москве новой, а как свидетель прошлой жизни, свидетель истории.

Расставание с прошлым, как и расставание с юностью, для зрелого человека окрашено цветом грусти, это естественно, но поэт, склонный к философскому взгляду на жизнь, Дмитриев принимал ее такую, какой она сложилась к тому времени. «Я живу на переломе...» — говорит он, глядя на то, как меняется Москва, как исчезают «двор, ограда, фонари», а на их месте взмывают «в ночное небо башни...». Он принимает это как неизбежность меняющегося мира, как «предвестие иного бытия», и готов разделить с Москвой ее будущее: «Лети, Москва, я твой седок! Туда лети, где тыма сереет. Ночной предзимний холодок меня, как лучик солнца, греет».

В стихах Олега Дмитриева Москва запечатлена во все времена года и во все времена суток, показана в державном величии и хаосе непрекращающегося движения людской массы. Он исходил ее вдоль и поперек, и, как Аполлон Григорьев, о котором написал стихотворение, мог бы и себя

назвать «московским пилигримом». И еще он имел право сказать и о себе тоже: «В толпе, в молве, во сне и наяву ты по Москве несешь в себе Москву». Таково ощущение истинного москвича, если хотите, патриота Москвы. Тут существует внутренняя связь: «Москва всегда великою была и патриотов истинных ценила».

Как-то, под впечатлением досужих разговоров, Дмитриев написал стихотворение «В защиту матушки-Москвы», споря с теми, кто считает ее шумной, светливой толкучкой, неприятной для жизни. Но в другой раз сказал, как отрезал: «Москва не требует защиты — одной любви. Любви одной». Он обладал редкостным даром совершенно иначе воспринимать то, что чаще всего вызывает раздражение из-за общего неудобства. Именно так можно прочесть стихотворение «Московская скорость»: «Обожаю московскую гонку в непрерывном мелькании лиц...». И заключает: «Потеряешь московскую скорость — навсегда потеряешь себя».

Не может ли показаться, что это эгоистическое чувство, неразборчивое по отношению к другим городам и всяким, ко всей России? О нет, еще в пору молодых романтических завихрений Дмитриев посмотрел на мир широко раскрытыми глазами, уже тогда познал, что Земля — не вся в городах, и даже искал свои деревенские истоки. Но кто бросит камень в человека, если он — однолюб? Да к тому же влюблен в прекрасную женщину? По отношению к Москве Олег Дмитриев однолюб, что отнюдь не мешает ему видеть прекрасное вдалеке от нее.

Я бы сказал так: Олег Дмитриев — москвич по любви и по убеждению, лучшие его стихи — о Москве, но это русский поэт в его духовной и художественной традиции, и стихи его, может не в такой динамике (не в механическом движении), но устремлены в том же направлении, в каком «скорость развивая, стремятся из Москвы электропоезда».

Взглянув на Москву с высоты птичьего полета, поэт увидел расходящиеся от Кремля «широкие круги»:

*Бульварное кольцо
Лежит в кольце Садовом,
Садовое кольцо
Лежит в кольце застав
А из него Москва
Стремится к далям новым,
Как руки, широко
Проспекты разматывает.*

А там еще «дорога кольцевая» и стоящие «вокруг, как стражи, города». Поэт окольцован Москвой, из долгой разлуки она призывает его в свои «спасительные круги»:

*Как животворный сок
Течет в стволе древесном, —
Струятся москвичи
Меж вековых колец.*

Юбилейная дата Олега Дмитриева совпала с 850-летием Москвы, еще больше сблизив великий город с его поэтом.

Ал. МИХАЙЛОВ

Век Москва - 1997. - июль - с. 7